

DOI 10.23859/1994-0637-2018-4-85-7
УДК 811.161.1

© Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., 2018

Ильина Елена Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: filfak@list.ru

Сабурова Людмила Вадимовна

Преподаватель,
Средняя общеобразовательная школа №3
(Вологда, Россия)
E-mail: lyudmilka85@bk.ru

Saburova Lyudmila Vadimovna

Teacher,
Comprehensive School no. 3,
(Vologda, Russia)
E-mail: lyudmilka85@bk.ru

**ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ
ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ
КАК МАРКЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА**

**DIALECT NAMES OF DOMESTIC
ANIMALS AS MARKERS
OF THE LINGUISTIC PICTURE
OF THE WORLD**

Аннотация. Статья посвящена изучению когнитивных особенностей и деривационного потенциала названий домашних животных в вологодских говорах. Материалом для исследования служит лексика «Словаря вологодских говоров» и записи бесед с информантами по вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров». Подробно рассматривается внутренняя форма названий лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, свиней, домашней птицы, собак и кошек. В результате комментируются специфические свойства диалектной языковой картины мира: парцелированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Abstract. Article is focused on studying cognitive and derivational features of names of domestic animals in the Vologda dialects. The material for a research is lexicon of "The dictionary of the Vologda dialects" and records of conversations according to the questionnaire of "The lexical atlas of the Russian national dialects". The morphemic structure of names of horses, large and small cattle, pigs, poultry, dogs and cats are studied in the article. As a result specific features of a dialect language picture of the world, such as parceling, pragmatism, traditional character and expressivity are described.

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная языковая картина мира, названия домашних животных, вологодские говоры

Keywords: cognitive dialectology, dialect, linguistic picture of the world, name of domestic animals, Vologda dialects

Введение

Изучение лексики животного мира в лексико-семантическом и деривационном аспектах дает возможность понять, какие семантические сферы наиболее существенны для языкового сознания диалектоносителей, «как происходило означивание мира живой природы, какие актуализаторы вызывали к жизни механизмы словооб-

разования» [1, с. 14]. Цель нашей работы – изучение лексической семантики и словообразовательной структуры диалектных названий домашних животных. Материалом для исследования стал корпус лексем «Словаря вологодских говоров» [5], а также записи бесед по вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров» [4], сделанные в Вологодском и Кирилловском районах Вологодской области. Наши размышления в этом направлении опираются на исследования лексического фонда названий животных русского и других языков в структурно-семантическом [7], этнолингвистическом [2] и когнитивном аспектах [1].

Основная часть

Обобщенные и видовые названия слов семантической группы «домашние животные» представлены преимущественно непроизводными именами существительными, относящимися к древнейшему лексическому составу славянских языков: *скот, корова, бык, овца, баран, лошадь, конь, кобыла* и др. Исследуемые говоры сохраняют существенное для языкового сознания лексическое разграничение животных по половому признаку (*конь / кобыла*), признаку возможности / невозможности давать потомство в соответствии с возрастом (*корова / телка, овца / ярка*) или вследствие кастрации (*хряк / боров, конь / мерин*). Большинство видовых названий животных активно участвует в деривационных отношениях. Производные от них имена существительные образуются по продуктивным в русском языке словообразовательным моделям. Это модели морфемного словообразования: внутрисубстантивного – названия единичных животных или их совокупностей (*скотина, лошади́на*), уменьшительно-ласкательные (*корову́шка, бычо́к*), уничижительно-пренебрежительные (*коровё́шка, лошаде́нка*), названия детенышей домашних животных (*овченёнок, лошаде́нок*), мяса (реже – шкуры) животного (*коровя́тина, бычина, кобыля́тина*); отсубстантивного – прилагательные со значением принадлежности животному (*бараний, бычий, конёвый*), сравнительно-уподобительные наречия (*по-скоти́ны, по-собачьи*), глаголы со значением действия, подобного тому, которое свойственно некоему животному или приписывается ему языковым сознанием носителя говоров (*откозлится, насобачить, короветь*). Проявляют себя также типичные модели неморфемного лексико-семантического словообразования: «название домашнего животного» → «название дикого животного» (*корова* «лосиха»), «название домашнего животного» → «название человека, обладающего сходными характеристиками» (*пестун* «мальчик, присматривающий за младшими детьми» – ср.: *пестун* «медвежонок в возрасте одного-двух лет, оставшийся при матери»), «название домашнего животного» → «название предмета бытового назначения, проявляющего по отношению к нему внешнее или функциональное сходство (*коза* «прикрепляемая к носу лодки железная решетка для разведения огня во время ночного лова рыбы», *петух* «стог, который не сдают в колхоз, а умышленно прячут у себя в кустах» и др.). Наблюдение над деривационным взаимодействием перечисленных выше лексем убеждает нас в том, что в вологодских говорах, как и в русском языке в целом, реализуются типичные семантические переносы и с помощью морфемной деривации образуются производные слова, репрезентирующие продуктивные для данной лексико-семантической группы словообразовательные значения. Значительно больший исследовательский интерес вызывает исследование производных, характеризующих

названия домашних животных. Описание этой группы лексики мы представляем далее, ориентируясь на то, какие признаки лежат в основе номинаций животных различных биологических видов.

КОРОВА/БЫК

Наличие коровы в крестьянском хозяйстве определяло достаток хозяина, об этом говорят сами диалектоносители: «*Однокоровники-то у нас – три и хозяйства было мало. Коров много держали*». Это объясняет очень расчлененное семантическое пространство названий данного животного. Кроме общерусских классифицирующих названий в вологодских говорах существуют многочисленные диалектные производные, внутренняя форма которых объективирует следующие признаки.

1. Способность/неспособность животного к воспроизводству: *первотёллок, первотёлочек, первотёлочка, первотёлка* «корова, отелившаяся один раз»; *припусток* «телка, нетель»; *яловуха, яловушка* «яловая корова»; *переходница* «молодая, еще не телившаяся корова, нетель», «корова, оставшаяся яловой», *ломунья* «яловая корова», *недоёнок, недоюха, недоянка* «яловая корова», *нетёлка, нетель* «яловая корова», *штанка* «корова, отелившаяся на первом году».

2. Утилитарность, качество доения коровы: *доёнка, ведерница* «корова, дающая ведро молока за один удой», *недоюха* «корова, дающая мало молока, малодойная», *приданица* «корова, которую давали в приданое невесте». Также сюда относим набор прилагательных, обозначающих корову, легко отдающую молоко, которую легко доить (*слабомолокая, слаботелая, слабая*).

3. Внешние признаки, окрас шерсти (*пеструха, пестрина, пеструшка* «корова пестрой масти», *бурёна* «корова бурой масти», *белянка* «кличка белой коровы», *чернуха* «корова черной масти»), наличие или отсутствие рогов (*комлюха* «безрогая корова»).

4. Особенности поведения: *походунья* «корова, идущая впереди стада», *проходец* «корова, у которой на шее колокольчик», *бутыга* «бодливая корова» (вероятно, от *бутаться* «бодаться»).

5. Биологический возраст животного: *переходка, переходочка* «телка на втором году жизни», *четвертаха* «четырёхгодовалая корова».

Названия быка представлены гораздо меньше – это во многом определяется важностью для повседневного домашнего хозяйства именно самки животного. Названия быка реализуют признаки способности/неспособности к воспроизводству (*кладень, валух*) и специфику поведения (*бодун* «бодливый бык»).

Названия теленка представлены также весьма широко (*телёнок, телёнушек, телёничик* и др.). В них актуализируются признаки возраста (*припусток* «теленки на втором году жизни», *подростень* «теленки в возрасте двух лет», *переходник* «теленки на втором году жизни», *переходок* «теленки или телки на втором году жизни», *шаечник* «теленки первого года жизни», *стриган* «теленки на первом году жизни») и назначения животного (*подкорм, прикормыш, прикормок* «теленки, оставленные для откорма»).

ОВЦА/БАРАН

Производные существительные, называющие овцу в вологодских говорах, эксплицируют следующие мотивационные признаки: окрас шерсти (*серавка* «овца серой масти»), способность или неспособность к воспроизводству (*ярошка* «яловая

овца», *яруха* «молодая овца, которая впервые родила ягнят»), специфика поведения (*борко* от *боркать* «стучать, звенеть»), малый размер (*маля*, *малька*, *мася*, *маська*). Значительное количество названий овцы образуется от подзывных слов: *чаконька*, *чёгонька*, *чёконька* – ср.: *чака-чака*, *чёга-чёга*, *чига-чига*, *чёка-чёка*.

Половая дифференциация овец также может быть выражена словообразовательными средствами: *яра*, *ярица* «овца» – *ярун* «баран-производитель». Названий самца овцы (*баран*, *колотун* «племенной баран», *осельчук* «баран, родившийся осенью», *ярун* «баран-производитель» и др.) значительно меньше, чем названий самки: это, опять же, объясняется доминирующей ролью в хозяйстве именно самки животного.

Для названий ягненка существенно обозначение невзрослости (*овченёнок*, *ягнёнчик*, *ягнятишко*, *ягнятко*), времени рождения (*осенчук* «ягненок, рожденный осенью»), основного корма (*сенник*: «Осенью рано родился, дак сенник, всю зиму придется сеном кормить»).

Достаточно большое количество производных в вологодских говорах называют человека по роду занятий, связанных с овцеводством и обработкой овечьих шкур (*овчарка* «женщина, ухаживающая за овцами», *овник* «пастух стада овец», *овчинник* «человек, который держал овец», *овчищик* «скорняк»), пастбища (*овечник* «пастбище»), помещения, предназначенные для содержания животных (*овчарник* «хлев») и места для обработки шкур (*овчинная* «помещение, где сушили и обрабатывали шкуры»).

При разведении овец определяющим для крестьянина было качество шерсти животного, поэтому в названиях овечьей шерсти активно реализуется темпоральный признак: *веснина* «овечья шерсть весенней стрижки», *зимнина* «овечья шерсть зимней стрижки», *летнина* «овечья шерсть летней стрижки», *осенина* «овечья шерсть осенней стрижки»). В исследуемых говорах фиксируется немало производных слов, актуализирующих значение «сделанный из шерсти овцы или овечьей шкуры»: *овчарный* «сделанный из шерсти», *овчарка* «свитер, кофта», *овчушка* «мужской полушубок» и др.

КОЗА/КОЗЁЛ

Производные имена существительные, называющие коз, реализуют наиболее существенные признаки, свойственные названиям коров и овец: принадлежность к полу (*козлуха* «коза»), возраст (*козлушка* «молодая коза»), способность или неспособность к воспроизводству (*валух* «кастрированный козёл»), особенности поведения (*забалуня* «неспокойная, резвая коза»). Неморфемные производные реализуют типичный семантический перенос, называя различные предметы бытового назначения: *козлы* «шесты, крест-накрест друг к другу вбитые наклонно в землю, а в месте скрещивания привязанные к столбу для придания ему прочности (при метании стога)» [6, с. 198–199].

КОНЬ/КОБЫЛА

Названия коня / кобылы, как показывают наши материалы, значительно меньше вовлечены в деривационные отношения (возможно, это связано с тем, что основные наши информанты – пожилые женщины, а лошадь в хозяйстве традиционно воспринималась как «мужское» животное). Производные названия этих животных маркируют цвет шерсти («*Лошадь-то булая, не серой, а такой гороховой масти. Чалкой звали*» – ср.: *чалый*), возраст (*стриган*, *стригунец* «жеребенок в возрасте одного го-

да»), способность к деторождению (*валух* «кастрированный конь»). Морфемное словообразование реализует значения невзрослого существа (*лошадёнок* «жеребёнок»), принадлежности животному (*коневий, кобылячий*), а также действий, связанных в сознании диалектоносителей с поведением этих животных (*кобылять* «находиться в близких, любовных отношениях», *ожеребиться* «родить ребенка»). Важность наличия тягловых животных в крестьянском хозяйстве подчеркивает присутствие производных *безлошадник* и *однокобыльник*, обозначающих наличие или отсутствие в крестьянском хозяйстве лошади как одного из важнейших для него экономических показателей.

КУРИЦА/ПЕТУХ

В Вологодской области с давних времен преимущественно разводили кур – относительно мелкую домашнюю птицу, отличающуюся выносливостью и не требующую особого ухода. Зимой птица содержалась в конюшне, летом – на выгуле; только в ряде хозяйств любителей-птицеводов были построены курятники. О достоинствах этой домашней птицы А. Клушин писал: «Она легко переносит холод и голод, корм она требует, главным образом, зимой, летом же старается достать себе пищу сама в виде червячков и семян сорных трав» [3].

Являясь основной домашней птицей, курица имела в говорах множество характеризующих названий. Названия курицы имеют весьма расчлененное семантическое пространство. Кроме классифицирующих названий (*куравица, куропатина* «курица») ярко проявляет себя функциональный признак. Существуют отдельные названия для курицы в период кладки яиц (*кладунья, кладушка* – по соотношению с ними *некладунья, неносунья*), в том числе для птицы, кладущей яйца без ведома хозяйки (*самосадка, самоседка, самоседочка*). Особые названия существуют для курицы, высиживающей цыплят (*паруша, парушка, паруха, парунья, насидуха*) и выращивающей их (*цыплетёна, цыплетиха, цыплетуха*). Существенными для производных названий курицы оказываются такие признаки, как особенности вокализации (*коклуха, клока, клыка, клохта, клохтунья, клохтуха, клокушка* «клохчущая курица, наседка»), цвет оперения (*рябуха, рябушка* «рябая курица»), возраст птицы (*молодка, молодушка* «молодая курица-несушка»). Многие названия куриц образованы от подзывных слов: *кутька, кутюшка* «курица» – ср. *кутю-кутю, кутя-кутя*.

Определяющими для диалектных названий петуха в вологодских говорах являются признак вокализации (*крокотух* «голосистый петух», *певун, певунок, петко, петун* «петух») и указание на повадки птицы (*клеву* «петух, который клюется»).

В названиях цыпленка актуализируются следующие признаки: звуки, издаваемые птицей (*пикун* – от *пикать* «пищать», *чивкун, чивонька* – от *чивкать* «издавать писк, пищать»); время, место, обстоятельства появления на свет (*поздыш* «цыпленок, родившийся позже обычного», *подсулонец* «цыпленок, высиженный наседкой в пору жатвы», *самоседок* «цыпленок, высиженный курицей «самоседкой» в гнезде, о котором не знает хозяйка»). Также существует целый корпус названий цыпленка, образованных от подзывных слов (*цывонька, цывушка, цылюшка, цыпочка, цыренька* (от *цыва-цыва, цыли-цыли, цылюшки-цылюшки* и др.). В сфере образований этой группы слов широко представлено явление словообразовательной синонимии.

КОШКА/КОТ

Изучение контекстуальной информации о поведении кошки свидетельствует о том, что при характеристике этого животного наиболее важным является его прожи-

вание в доме, в непосредственной близости к людям («Замну я тебя сегодня, однако, киска. Под ногами всё вертисся»; «Одна кошка на одной руке спит, другая на второй руке, а третья кошка на брюшине» [6, с. 34]); обладание густой, приятной на ощупь шерсткой («Котёнок-то шерстнатой был» [6, с. 585]); ласковое, миролюбивое поведение («Детишки-ти набегут, дак котика имеют. Не убежит он от тебя, станет шоркаться о тебя» [6, с. 589]); способность к порождению звуковых сигналов, выражающих удовольствие («Закурначит, закурначит, как Володька придёт. Знаёт, что он всегда уж её погладит» [6, с. 137]) или просьбу, жалобу («Слышишь, кошка-то каучит, дак выпусти её» [6, с. 183]), а также порождать различного рода шум («А котёнок-от всю ночь лапами боркотил по полу» [6, с. 30]); особенности питания («Муська, пей молоко, ведь ты доишь своего котёнка»; «Кошка под кроватю кавкает, костью подавилась»; «Чего-то нашей кошки нет опять. Опять чего-нибудь столкла, наверное. Не успела положить, а она всё столкла. Ну и кошка! Где бы что столочь!» [6, с. 96]); способность охотиться на мышей («Пушинка-то до чего ловкая кошка была! Сколько мышей наловит да и на кровать положит» [5, вып. 4, с. 43]). Достаточно часто информанты обращаются к кошке как к постоянно-му спутнику, собеседнику, свидетелю различных обстоятельств их жизни: «Вот, Муруська, до какой жирки дожили! Сиди у окошечка да поглядывай в окошечкё!» [6, с. 115].

Производные названия кошки маркируют особенности издаваемых ею звуков (*кавка* – ср.: *кавкать*, *каучить* «мяукать»), способность ловить мышей (*ловуха*) и заводить в шерсти паразитов (*блоховатик*). Производные от родового названия называют детенышей кошки (*котёнок*, *котёнок*, *котёнок*), а также маркируют признак по принадлежности (обычно в составных наименованиях растений: *кошачьи* (*кисьи*) *лапки* «растение бессмертник»). Неморфемные образования реализуют типичный семантический перенос, называя предметы бытового назначения: ср. *кошка* «деревянная ручка, вращением которой приводится в движение барабан с тросом, поднимающим воду из колодца» [6, с. 220].

СОБАКА

Контекстуальный анализ высказываний о собаках достаточно хорошо представляет их повадки: собака живет на улице, в конуре («Тузик в собачарник улез: коровы испугался» [5, вып. 10, с. 65]), обладает острым нюхом («Девки стукнут воротами настояшию, чтобы собака унюла» [6, с. 288]) и громким голосом («На всех-то дурит, что за собака! Вот чужой человек зашёл в дом, так он «ав-ав» — и задурут, и задурут!» [6, с. 107]), не особенно сытно питается («Пойду собаку гаркать, ведь седни не кормлена»; «Собака-то у нас кощая, одне рёбра торчат» [6, с. 64]). От существительного *собака* в вологодских говорах образуются морфемные производные: названия незрелых существ (*собачошко*, *собачонок* «щенок», *собачоночек* «ласк. к собачонок» [5, вып. 10, с. 65]); прилагательные со значением «принадлежащий / свойственный собаке», либо в устойчивых названиях растений (*собачий гигель*, *собачья дудка*), несъедобных или обладающих невысоким качеством грибов (*собачий гриб*, *собачья губина*), либо характеризующих человека невоспитанного, грубого, своенравного, непослушного, драчливого и пр. (*собаковатый*, *собаковитый*, *собачливый*, *собачный* [5, вып. 10, с. 65]); а также наречия, маркирующие неподобающее качество выполнения какого-либо действия: *по-собачьи* «небрежно, кое-как» («Ведь

не по-собачьи брали снопы. А сейчас лён худо убирают» [6, с. 399]). Многочисленность подобных образований подтверждает вывод о том, что в крестьянском сознании собака воспринимается с отрицательными коннотациями – как «нечистое» животное [2]. Неморфемное словообразование реализует модель «название животного» > «название предмета бытового назначения»: *собака* «подставка для пилки дров; козлы», *собачка* «деталь ткацкого станка, предназначенная для держания бёрда» [5, вып. 10, с. 64–65] и др.

Выводы

Таким образом, в вологодских говорах представлены многочисленные имена существительные, называющие различных домашних животных. Это свидетельствует об актуальности данной группы слов, о необходимости словообразовательной маркированности существенных признаков называемых объектов. Основную роль в номинации играют оценки-когнитивы (рационалистические оценки), так как в большинстве названий словообразовательно маркируются признаки, имеющие хозяйственное значение (в первую очередь, это способность / неспособность к воспроизводству (*яловуха*, *ярошка*, *ломунья*, *ярун*). Преобладают названия самок домашних животных, что объясняется практической направленностью диалектного словообразования, причем половой признак, как правило, выражается супплетивно, разнокорневыми лексемами.

Внутреннее устройство семантического множества «домашние животные» продиктовано, в значительной степени, соображениями практической, хозяйственной деятельности человека. С помощью аксиологически ориентированных словообразовательных средств актуализируются признаки витальности, биологического возраста (*осенчук* «баран, родившийся осенью», *селеток* «жеребенок в возрасте до года») и способности / неспособности к воспроизводству (*припусток*, *нетель* «телка», *ярошка* «яловая овца»), утилитарности (*доёнка*, *ведерница* «корова, дающая ведро молока за удой»), внешней и поведенческой характеризованности (*русак* «резвый, горячий конь», *отыло* «жирное, откормленное животное»).

Активное использование словообразовательных средств наблюдается при обозначении мяса, шерсти или шкуры животного (*поярка* «шерсть первой стрижки от ягнят», *опоек* «шкура теленка-сосунка, а также кожа из нее», *осенина* «овечья шерсть осенней стрижки»); помещений, участков, где содержатся животные, представленных многочисленными производными, в которых с помощью словообразовательных средств (в основном суф. -ник-) актуализируется реляционный признак с семей «пространственная смежность» (*жеревятник* «пастбище для лошадей», *овечник* «огороженный участок луга для пастбы овец», *овчарник* «хлев для овец», *куречник* «пристройка к печи в крестьянском доме в виде клетки, где зимой живут куры, курятник», *подскот* «помещение в крестьянском «дворе» для овец, небольшой хлев»); профессий (*овчарка* «женщина, ухаживающая за овцами», *овчи́чник* «скорняк», *поросятница* «свинарка», *овник* «пастух стада овец»). Также частым является использование словообразовательных средств для выражения субъективной оценки говорящего (*пеструшка* «корова пестрой масти», *веприк* «самец домашней свиньи, боров», *жеревушка*). Это объясняется, прежде всего, сферой распространения по-

добных имен: при обращении к животным, их кормлении, уходе за ними, что является еще одним свидетельством прагматической направленности словообразования.

Высокой семантической расчлененностью обладает номинативный участок «Детеныши животного». Хотя общий принцип номинации (название животного – название детеныша, с использованием, как правило, суффикса *-онок-*) сохраняется, словообразовательные средства используются не только тогда, когда нужно актуализировать сему «родства» (*ягнёнок, жеребёнок, собачонок, овченок*), но и в тех случаях, когда требуется указать на время рождения (*вешняг* «ягненок, родившийся весной», *сенник* «ягненок, родившийся осенью», *осенчук* «тенок осеннего приплода»), возраст детеныша (*годовичок, первотёлок, подтёлок* «тенок на первом году», *припусток* «тенок в возрасте до одного года», *полуторник* «тенок в возрасте до полутора лет»), его назначение (*прикормыш, прикормок* «тенок, оставленный для откорма»).

Систематизация признаков, которые реализуются в производных словах данной группы, позволяет подтвердить ранее выделенные признаки диалектной языковой картины мира: ее антропоцентричность (*распетушье* «неряшливо, нелепо одетая или непричесанная женщина» (ср. *размужище* «девушка или женщина, внешне похожая на мужчину или выполняющая мужскую работу; о неаккуратно одетой или плохо причесанной девушке»)), утилитарность (*доёнка, самоседка, ярун*), стереотипичность, экспрессивность (*распетушица, коровуха, цыплатушечка, ярушонка*) [1].

Анализ широкого спектра мотивационных признаков, используемых в процессе словообразования, позволит понять языкотворческие механизмы означивания животного мира, лучше изучить мироощущение русского народа, что в дальнейшем будет способствовать реконструкции языковой картины мира севернорусского крестьянина.

Литература

1. Вендина Т.И. Языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
3. Клушин А. О птицеводстве // Кооперация Севера. 1923. №11. С. 67–70.
4. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. СПб.: ИЛИ РАН, 1994.
5. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда: ВГПИ; ВГПУ, 1983–2007.
6. Словарь вологодского режского говора. Вологда: ВоГУ, 2018.
7. Тон Куан Кьунг. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997.

References

1. Vendina T.I. *Iazykovaia kartina mira cherez prizmu slovoobrazovaniia (mikrokosm)* [The linguistic picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow, 1998. 240 p.
2. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, 1997. 912 p.
3. Klushin A. O ptitsevodstve [About poultry farming]. *Kooperatsiia Severa* [North Cooperation], 1923, no. 11, pp. 67–70.

4. *Programma sobiraniia svedenii dlia Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov* [Program for collecting information for the Lexical Atlas of Russian folk dialects]. St Petersburg, 1994.
5. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary Vologda dialects]. Vologda, Issue 1–12, 1983–2007.
6. *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora* [Dictionary of the Vologda Rug Dialect]. Vologda, 2018.
7. Ton Kuan K'yung. *Sistemno-strukturnaia organizatsiia zoomorfizmov russkogo iazyka* [System-structural organization of zoomorphisms of the Russian language. Dr. dis.]. Voronezh, 1997.

Для цитирования: Ильина Е.Н., Сабурова Л.В. Диалектные названия домашних животных как маркеры языковой картины мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №4(85). С. 57–65. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-4-85-7

For citation: Ilyina E.N., Saburova L.V. Dialect names of domestic animals as markers of the linguistic picture of the world. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 4 (85), pp. 57–65. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-4-85-7